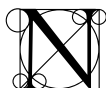

ШИРЛИ
ДЖЕКСОН

ШИРЛИ
ДЖЕКСОН

ПРИЗРАКИ
ДОМА НА ХОЛМЕ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
Д40

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Shirley Jackson

THE HAUNTING OF HILL HOUSE
WE HAVE ALWAYS LIVED IN THE CASTLE

Перевод с английского
Е. Доброхотовой-Майковой («Призрак дома на холме»),
О. Варшавер («Мы живем в замке»)

Компьютерный дизайн *А. Кудрявцева*, студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
А.М. Heath и Andrew Nurnberg.

Джексон, Ширли.

Д40 Призраки дома на холме : [романы] / Ширли Джек-
сон ; [перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой,
О. Варшавер]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
480 с. — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-116863-6

Впервые опубликованный в 1959 году роман Ширли Джексон «Призрак дома на холме» сразу был признан образцом мистического триллера. Популярность книги закрепили две экранизации — Роберта Уайза (1963) и Яна Де Бонта при участии Стивена Спилберга (1999). А теперь культовый роман вдохновил Netflix на одноименный сериал.

Старинный особняк на холме приносит его обитателям одни несчастья. Никто не рискует здесь не то что жить, даже оставаться на ночь — говорят, Хилл-хаус стал пристанищем привидений.

Но однажды тишину дома нарушает шумная компания: доктор Монтегю, исследователь паранормальных явлений; Теодора, его беззаботная помощница; Элинора, хрупкая девушка, не понаслышке знакомая с полтергейстами; и Люк — будущий наследник Хилл-хауса. Никто даже не подозревает, каким кошмаром обернется их поездка...

В сборник также включен роман «Мы живем в замке» — психологический триллер о тайных войнах внутри одной человеческой души и о зле, скрытом в нашем ежедневном существовании.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Shirley Jackson, 1959, 1962
© Перевод. Е. Доброхотова-Майкова, 2018
© Перевод. О. Варшавер, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-116863-6

ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ

Леонарду Брауну

1

НИ ОДИН ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ НЕ МОЖЕТ ДОЛГО СУЩЕСТВОВАТЬ в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума; говорят, сны снятся даже кузнечикам и жаворонкам. Хилл-хаус, недремлющий, безумный, стоял на отшибе среди холмов, заключая в себе тьму; он стоял здесь восемьдесят лет и вполне мог простоять еще столько же. Его кирпичи плотно прилегали один к другому, доски не скрипели, двери не хлопали; на лестницах и в галереях лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве.

Доктор Джон Монтегю формально считался антропологом; он защитил диссертацию в этой области из смутного чувства, что она наиболее близка к подлинному делу его жизни — изучению сверхъестественных явлений. Исследования доктора Монтегю были крайне далеки от науки, и лишь ученая степень могла придать им если не вес, то хоть некое подобие респектабельности, поэтому он никогда не забывал подчеркнуть свое звание. Аренд

овав Хилл-хаус на три месяца — со значительным ущербом для кошелька и гордости (ибо не лю-

бил униженно просить), — он твердо рассчитывал возместить потраченное сенсацией, которую вызовет его итоговая работа о причинах и формах парапсихологических феноменов в домах, обычно называемых «нехорошими». Всю жизнь он искал настоящий дом с привидениями и, услышав про Хилл-хаус, сперва засомневался, затем ощутил проблеск надежды и наконец рьяно взялся за дело: не в его характере было отступать перед трудностями, если впереди маячит достойная цель.

Доктор Монтегю намеревался позаимствовать методику у бесстрашных охотников за привидениями девятнадцатого столетия: он поселится в Хилл-хаусе и своими глазами увидит, что там происходит. В идеале следовало бы повторить эксперимент неназванной дамы, которая на целое лето собрала в Баллехин-хаусе* скептиков и убежденных сторонников сверхъестественного, — гости отдыхали на лоне природы, играли в крокет и, в довершение удовольствия, наблюдали за привидениями. Однако в наши дни скептики, убежденные сторонники сверхъестественного и хорошие игроки в крокет почти перевелись, и доктор Монтегю был вынужден нанять ассистентов. Возможно, не-

* Баллехин-хаус — усадьба в Пертшире. Выстроена в 1806 году, сгорела в 1963-м; пользовалась репутацией «самого нехорошего дома в Шотландии». По слухам, там происходили различные сверхъестественные события, включая явления духа умершей монахини. Общество паранормальных исследований сняло дом на длительный срок и в 1899 году опубликовало в газетах подробный отчет о своих наблюдениях.

спешность викторианской жизни более способствовала подобным методам исследования, а возможно, тщательная фиксация паранормальных явлений как способ установить их достоверность в значительной степени себя изжила; так или иначе, ассистентов пришлось нанимать за деньги.

К работе он приступил со всей ответственностью и добросовестностью: прошерстил архивы парапсихологических обществ, подшивки скандальных газет и отчеты экстрасенсов; в итоге получился список людей, которые так или иначе, в то или иное время, пусть на короткий срок либо при неподтвержденных обстоятельствах соприкасались с потусторонним. Из списка доктор Монтегю в первую очередь вычеркнул тех, кто уже умер. Потом — тех, кого счел обманщиками либо слабоумными, а также тех, кто не подходил для его целей, поскольку явно стремился привлечь все внимание к себе. Осталось человек десять-двенадцать. Все они получили от доктора Монтегю приглашение провести лето либо часть лета в уютной сельской усадьбе, старой, однако со всеми удобствами: канализацией, электричеством, центральным отоплением и чистыми постелями. Цель — недвусмысленно объяснялось в письме — проверить сомнительные слухи, окружающие дом на протяжении всей его восьмидесятилетней истории.

Доктор Монтегю не писал открыто, что Хилл-хаус — дом с привидениями, поскольку был ученым и не смел верить в свою удачу, пока лично не засвидетельствует там аномальные явления. Таким об-

разом, письма содержали некую сдержанную двусмысленность, которая гарантированно должна была возбудить любопытство у строго определенной категории читателей. Доктор Монтегю получил четыре ответа: остальные кандидаты либо переехали, не оставив нового адреса, либо утратили вкус к сверхъестественному, либо просто никогда не существовали. Четирем ответившим доктор Монтегю написал снова: указал, с какого числа Хилл-хаус официально ждет гостей, и привел подробные инструкции, как туда добраться, поскольку (вынужден он был объяснить) местное население сведения о доме сообщает крайне неохотно. За день до отъезда доктора Монтегю убедили включить в число избранных еще и представителя семьи владельцев. Тогда же пришла телеграмма от одного из кандидатов, в которой тот под явно вымышленным предлогом отказывался участвовать в мероприятии. Еще один кандидат не явился и не написал — возможно, из-за непредвиденных личных обстоятельств. Остальные двое приехали.

2

Элино́р Венс ко времени поездки в Хилл-хаус исполнилось тридцать два, и после смерти матери она по-настоящему ненавидела только одного человека — старшую сестру. К мужу сестры и пятилетней племяннице она питала стойкую антипатию, друзьями так и не обзавелась, главным образом потому, что последние одиннадцать лет ухаживала за лежачей матерью, в результате чего приобрела на-

выки профессиональной сиделки и привычку моргать от яркого света. Во всей ее взрослой жизни не было и одной по-настоящему счастливой минуты: годы с матерью прилежно складывались из мелких провинностей и мелких упреков, постоянной усталости и нескончаемого отчаяния. Вовсе не желая становиться робкой и застенчивой, Элинор столько времени провела в одиночестве, без людей, которых могла бы полюбить, что в разговорах, даже самых незначущих, вечно смущалась и с трудом подыскивала слова.

В список доктора Монтегю она попала из-за давнего происшествия: когда им с сестрой было двенадцать и восемнадцать соответственно, меньше чем через месяц после смерти отца, на их дом без всякого предупреждения и без всякой видимой цели обрушился град камней, которые падали с потолка, громко скатывались по стенам, разбивали окна и молотили по крыше. Камнепад продолжался без остановки три дня. Все это время Элинор и ее сестру нервировали не столько камни, сколько ежедневная толпа зевак перед крыльцом и беспочвенные, истерические уверения матери, что несчастье вызвано злобой завистливых соседей, якобы возненавидевших ее с самого приезда. На четвертый вечер Элинор и сестру отправили ночевать к знакомым, после чего камнепад прекратился и больше не возобновлялся, хотя Элинор с матерью и сестрой продолжали жить в доме, а вражда с соседями сохранила прежний накал. Историю забыли все, за исключением людей, с которыми консультиро-

вался доктор Монтегю, и уж точно забыли Элино́р и ее сестра, во время самих событий тайно вни́н­ви­шие друг дружку.

Всю жизнь Элино́р подспудно ждала чего-то вро­де Хилл-хауса. Ухаживая за матерью, переклады­вая раздражительную старуху с инвалидного кресла в постель, бесконечно таская подносики с овсян­кой или бульоном, перебарывая брезгливость, чтобы приступить к стирке, она держалась исключитель­но верой: что-то должно произойти. На приглаше­ние пожить в Хилл-хаусе она ответила с той же поч­той, хотя муж сестры и требовал прежде навести справки — не собирается ли так называемый док­тор вовлечь Элино́р в языческие ритуалы, связанные с тем, о чем, по мнению его жены, незамужней де­вушке знать не положено. Быть может, шептала се­стра в супружеской спальне, где никто, кроме мужа, ее не слышал, доктор Монтегю — если это его на­стоящее имя, — быть может, доктор Монтегю ис­пользует женщин для неких... хм... опытов, ну, ты понимаешь, какие опыты я имею в виду (подобные опыты ее живо интересовали). Элино́р то ли не зна­ла о таком, то ли не боялась. Другими словами, го­това была ехать куда угодно.

Теодора (она обходилась одним этим именем, без фамилии; наброски подписывала «Тео», а в телефон­ной книге, на двери дома, в витрине магазинчика, под очаровательной фотографией хозяйки над ка­мином и на ее тонированной почтовой бумаге зна­чилось «Теодора») — так вот, Теодора была полной противоположностью Элино́р. Долг и ответствен­

ность она предоставляла герл-скаутам. Ее мир состоял из удовольствий и пастельных тонов; в список доктора Монтегю она попала, потому что — со смехом войдя в лабораторию и обдав всех ароматом цветочных духов — как-то умудрилась (к собственному растущему восторгу) правильно назвать восемнадцать из двадцати, пятнадцать из двадцати, девятнадцать из двадцати карточек, которые показывал ассистент в соседней комнате. Беспрецедентное достижение Теодоры сохранилось в архивах лаборатории и неизбежно должно было попасть на глаза доктору Монтегю. Письмо от него ее позабавило, и она ответила из любопытства (а может, то спящее в Теодоре знание, которое помогло ей угадать символы на карточках за стеной, потянуло ее к Хилл-хаусу), но с твердым намерением отказаться. Тем не менее — возможно, из-за того же бередящего чувства, — получив от доктора Монтегю второе письмо, она потеряла покой и почти сразу закатила беспричинный скандал прелестному существу, с которым вместе снимала комнату. С обеих сторон прозвучали оскорбительные слова, какие может загладить лишь время. Теодора безжалостно разбила очаровательную статуэтку — свой портрет работы прелестного существа, а прелестное существо нещадно изорвало в клочки томик Мюссе, полученный от Теодоры на день рождения, в особенности страницу с нежной, иронической дарственной надписью. И то и другое было, разумеется, совершенно непростительно; прежде чем они смогут посмеяться над происшедшим, должно было пройти хотя бы несколько недель. Те-